

Сека Гадиев

ЦЫППУ ИЗ КУДА

Рассказ

С южной стороны Кавказкого хребта лежит Кудское ущелье. Природа создала здесь неприступную крепость: высокие скалистые горы, труднодоступные пещеры, узкие проходы.

После присоединения Грузии к России, когда закончились военные действия и в горах наступило относительное спокойствие, калакские торговцы потихоньку начали возить товары по Арвыкомской дороге. Возчиками они нанимали местных жителей. От Дзауджикау до Косета грузы перевозили осетины, а дальше, до Калак-грузины. Цыппу жил на берегу Арагви, над самой рекой. Однажды он отправился в Коб, чтобы наняться возчиком. С ним было пять его товарищей: Сугар, Тотрадз, Цицо, Гайти и Дудар. В Кобе они подрядились везти партию сукна. Торговец спросил у Цыппу имя и фамилию. Цыппу назвался Хафиной Карныховым из Кудского ущелья. Торговец выписал на это имя две бумаги, одну из них он отдал Цыппу, другую оставил себе. Новоявленные возчики погрузили товар на арбы и трбнулись в путь. Ночью они свернули с дороги, развезли все сукно по своим домам и спрятали.

Прошло некоторое время. Купец, не дождавшись в Калаке своего товара, заявил о пропаже властям. Начались поиски Хафына Карныхова, но в Кудском ущелье о таком никто никогда не слышал. Поиски вскоре прекратили, а через два года, когда дело забылось, Цыппу и его друзья осторожно начали торговать сукном.

В те годы у начальника Косетского округа служил тайным осведомителем Бибо Рубайты. Он лез из кожи вон, чтобы выслужиться перед начальником и доносил ему на своих земляков обо всем, что знал и чего не знал. Начальник дал ему в награду медаль, да и деньгами его не обижал.

До Бибо дошли слухи о похищенном сукне и с того дня он потерял покой и сон, выслеживая Цыппу. А тот продал свое сукно в Чсане и отправился домой. Бибо, узнав об этом, поехал следом за ним в Чсан, перекупил там две штуки сукна, отвез Косетскому начальнику и донес на Цыппу и его друзей. Начальник отправил сукно на опознание в Калак и вскоре получил ответ: купец подтверждал, что это его товар.

В тот же день в Куд отправился отряд стражников. Они схватили Цыппу и его друзей и доставили их в Косет. Начальник долго допрашивал их, но не добился ничего: они все отрицали. Тогда начальник приказал заковать их в кандалы и бросить в тюрьму. Цыппу с товарищами просидели в Косетской тюрьме четыре месяца, пока их не отправили в Калакский суд.

Однажды тюремная дверь со скрипом распахнулась. Вошел офицер и, громко прочитав имена и фамилии шести друзей, приказал выходить. За дверью, стояли десять солдат с ружьями. Они окружили арестованных и отвели их в какой-то, большой дом. Там

заседал суд. Друзей, одетых в серые арестантские шинели, усадили на скамью подсудимых и разбор дела начался.

Продолжался он недолго. Не прошло еще и часу, а судья уже объявил приговор: Цыппу и его друзья были признаны виновными и приговаривались к лишению всех прав и высылке в Сибирь на вечную каторгу. После этого их под конвоем отвели обратно в тюрьму.

Была ясная ночь. Луна весело смотрела сквозь решетку серебряным глазом. Арестанты, усевшись поближе к окну, молча смотрели на небо, думая каждый о своем. Долгое молчание нарушил Цыппу:

– Чем погибнуть в Сибири, не лучше ли принять смерть здесь, на родине? Человек рождается и умирает только один раз.

Товарищи согласились с ним. Они обсудили свое положение и решили, что надо любой ценой бежать. И поклялись обрести свободу, либо погибнуть.

Через месяц их погнали в Сибирь. Они шли по Арвыкомской дороге в сопровождении двенадцати солдат. На ночлег остановились в селении Нуаза, там, где теперь расположена станция Цилкан.

– Более удобного случая не будет, – сказал Цыппу товарищам. – Ночь темная, места знакомые, лес близко. Бежим сегодня же.

В этот день был праздник Ламиса. У Цыппу еще оставалось немного денег, он дал их одному из солдат и попросил купить в лавке побольше водки. Купили также барашка, зарезали его и затеяли пирушку. Арестанты воздерживались от водки, только делали вид, что пьют, солдаты же выпили с удовольствием. Захмелев, они вповалку улеглись спать, лишь один из них остался караулить. Опершись на ружье, он сидел у огня и поминутно клевал носом. Цыппу подал условный знак. Арестанты вскочили и бросились вверх по склону, в сторону леса. Часовой стал кричать, выстрелил им вслед. Другие солдаты, проснувшись, погнались за беглецами. Им удалось поймать одного из них, Гайти, остальных и след простыл.

Пятеро беглецов шли всю ночь до рассвета. Когда стало светать, они укрылись в лесу возле Чсанского монастыря. С наступлением темноты они двинулись дальше и вскоре добрались до Цорцоха. Там они зашли к кузнецу и тот сбил с них оковы. Цыппу сказал, плюнув на кандалы:

– Пусть никогда больше вы не коснетесь человеческой ноги!

Цорцбхский кузнец оставил их ночевать в своем доме, напоил их, накормил и дал денег, а утром они отправились дальше и через перевал Мудзух спустились в Кудское ущелье. Теперь у них была одна забота: они ломали голову над тем, как выручить Гайти. Цыппу каждый день узнавал новости со станции. Он ждал, не появится ли Гайти. Однажды снизу пришла какая-то старуха и сообщила: Гайти уже здесь, завтра утром его поведут дальше.

Абреки устроили на дороге засаду.

Наступило утро. Вершины гор засверкали под лучами солнца, но в глубине ущелья еще лежала тень. Из-за поворота дороги показалась арестантская команда. Внезапно со скалы на дорогу прыгнули абреки. Никто не успел и глазом моргнуть, как они схватили Гайти и, бросившись с ним с обрыва, помчались вниз по склону. Через мгновение они уже мелькали далеко внизу. Солдаты открыли стрельбу, но абреки скрылись в камнях. Вскоре они появились среди скал на противоположном склоне, громко распевая веселые песни.

Абреки стали охотиться за Бибо Рубайты, но он, узнав об их побеге, заперся в доме» не показывал оттуда носа. Силой взять его было нельзя, поджечь дом тоже нельзя-сгорели бы и соседние дома. Таким образом, время шло, а Бибо оставался жив. Прошло лето. Горы покрылись снегом, дороги утонули в сугробах – ни проехать, ни пройти. Абреки разошлись по домам. Бибо, узнав об этом, поспешил с доносом к начальнику Косетского округа. Тот собрал отряды из Хада и Хиу и послал их в Куда вместе с русскими войсками. Он собирался захватить абреков врасплох, напав на них ночью, но в отряде оказался кузнец из Цорцоха, названный брат Цыппу, который сумел предупредить абреков о готовящемся нападении.

Те устроили на дороге засаду. Выдалась ясная лунная ночь,, все было видно, как днем; Когда отряд приблизился на расстояние выстрела, абреки открыли стрельбу. Двое нападавших остались лежать на дороге, несколько человек было ранено, остальные, отступив, остановились в нижнем селении.

Цыппу и его товарищи тем временем держали совет. Положение было безвыходным: уйти из ущелья через перевалы зимой невозможно, единственная дорога занята войсками. Оставалось только принять бой.

Над селом, в скалах, была большая пещера, куда вела узкая крутая тропа. В пещере бил родник. Ночью абреки загнали туда весь свой скот, натаскали дров и съестных припасов. Утром они поднялись к пещере вместе с семьями – детьми и стариками – и стали готовиться к обороне. Вход в пещеру был открытым, набрать камней, чтобы сложить из них стенку, было невозможно – кругом лежал глубокий снег. Тогда Цыппу зарезал несколько коров и из их туш сложил у входа укрытие.

На другой день начальник отдал приказ взять село штурмом, невзирая на потери. Войска двинулись вперед, но в селении не было ни души, лишь над пещерой вился дымок. Солдаты полезли по следам беглецов вверх. С обеих сторон поднялась пальба, градом сыпались пули, сизым облаком стлался пороховой дым. Бой длился весь день, к вечеру войска отступили.

Так продолжалось до самого рождества. После рождества подвезли пушки и штурм. начался с новой силой. Сперва из пушек стреляли обычными ядрами, но они отскакивали от смерзшихся коровьих туш. Тогда начали стрелять разрывными снарядами. Многие из них залетали в пещеру и, ударившись об ее своды, падали на пол. В те времена снаряды взрывались от горящего фитиля. Осажденные бросали снаряды в воду, фитиль гас и взрыва не происходило. Кроме того, пороха, добытого из каждого снаряда, хватало на семьдесят ружейных выстрелов. Один снаряд все же разорвался в глубине пещеры, но от взрыва никто не пострадал.

Близилась весна. Съестные припасы подходили к концу. Абреки решили бежать. Они сплели себе снегоступы, сшили белые балахоны, чтобы их не было видно на снегу, и вечером, выскользнув из пещеры, ушли вверх по склону, никем не замеченные. К утру они были уже в Дзимыре и остановились в селении Тогойта. Они были вынуждены оставить в пещере свои семьи и косетский начальник, захватив на другой день женщин и детей, отправил их в Калак, где они пробыли три года, пока их не вернули домой., В селе Тогойта, прилепившемся к высокому утесу, было всего пять домов, но между ними высилась большая боевая башня в семь ярусов. Впоследствии она была разрушена русскими, но и теперь ее, развалины выглядят внушительно. Абреки рассчитывали пробыть здесь один день, но в конце концов остались надолго, поселившись в башне. Вскоре до властей дошло, что абреки живут в башне Тргойта. Косетский начальник

пришел с войсками со стороны Арагви, а из Чсана привели свои отряды князя Эристави. Снова начались боевые действия.

Гаус Нарон считался другом Цыппу. Однажды он вместе с дзымырским священником пришел к косетскому начальнику и спросил его:

– Чем наградишь нас, если заманим абреков в ловушку? Начальник пообещал им медали и по сто рублей денег. На другой день Гаус и священник поднялись к абрекам и завели с ними хитрые разговоры.

– Поверь мне, Цыппу, – говорил Гаус, – власти простили вам все ваши преступления. Пойдемте со мной, я отведу вас к начальству. Никто не причинит вам никакого вреда. Вот священник подтвердит мои слова.

Священник согласно кивал головой, держа в руке крест.

Цыппу внимательно слушал их, а они так горячо уговаривали его, что у него в конце концов не осталось никаких сомнений в том, что его обманывают.

– Хорошо, – сказал он, вставая, – пусть будет по-вашему. Но сперва сделаем зарубку в знак нашей искренности и верности. Дай-ка мне кинжал.

Гаус протянул ему свой кинжал. Цыппу взял его, тут абреки бросились на Гауса и привязали к столбу. Священник, увидев, это, с необыкновенной резвостью подбежал к краю обрыва и прыгнул вниз. Он съехал по каменной осыпи на зад, ободрив его до крови, вскочил на ноги и помчался к солдатам.

Цыппу весело кричал ему вслед:

– Не бойся, батюшка, тебя мы не тронем, ты ведь наш духовный пастырь!

Священник не слушал его. Он бежал, не оглядываясь, пока не скрылся в толпе солдат.

А Гауса целую неделю продержали привязанным к столбу. Абреки все время издевались над ним: то объявляли, что казнят его, то собирались выколоть ему глаза, то спускали его, полумертвого от страха, с вершины башни на веревке, оставляя на целый день висеть над пропастью. Через неделю они отпустили его, в чем мать родила, и Цыппу сказал ему на прощанье:

– Иди, дружок. На этот раз мы прощаем тебя. А наготу свою тебе прикрывать ни к чему – все равно у тебя нет совести.

Зима кончалась. Снег осел и начал таять, вскоре он оставался только в низинах. Войска с новой силой пошли на приступ. Стрельба не прекращалась ни днем, ни ночью. Башня опоясалась вспышками пламени и пороховым дымом. Солдаты окружили ее со всех сторон.

Перед пасхой, в пятницу, погода резко испортилась. Свистел северный ветер, низко неслись рваные тучи, хлестал холодный дождь пополам со снегом: Усталые солдаты, укрываясь чем попало, пытались спастись от дождя и холода.

В полночь дверь башни бесшумно отворилась, оттуда вышли шесть человек и исчезли во тьме. Без единого шороха, как тени, проскользнули они мимо врагов, спустились в ущелье и пошли в сторону Кудского перевала. К утру они были уже далеко.

А войска утром снова двинулись на приступ, но башня молчала. Дверь ее была открыта и внутри никого не было.

Пришла настоящая весна. Потеплело, деревья покрылись листвой, природа задышала полной грудью. Абреки подались в Грузию. Возле Мцхеты они напали на почтовую карету и ограбили ее. Они взяли там очень много серебряных денег – сколько смогли унести. В карете были и бумажные деньги, но абреки не знали, что это такое. Цыппу из любопытства взял с собой одну бумажку-ему понравилась картинка на ней.

Они остановились на ночлег у одного из своих грузинских друзей. Тот случайно увидел у Цыппу бумажку, а когда узнал, что таких бумажек в карете было много, воскликнул: – Что же вы не брали этих денег? Ведь они гораздо лучше, чем те, которыми вы набили карманы!

Но жалеть было уже поздно – что сделано, то сделано.

Когда весть о дерзком ограблении дошла до наместника в Калак, он тут же отдал приказ по всем областям и округам: найти разбойников и взять, живыми или мертвыми. За их поимку была назначена большая награда.

Цыппу понял, что оставаться в этом краю нельзя. Подумав, он решил пробираться к Шамиллю, которую все еще воевал с Россией. Рядом находилось ущелье Джарах.

Тамошние жители, ингуши, еще не покорились русским и Цыппу для начала решил уйти к ним. Он отправил в Джарах своего друга, Дзыба Туаты. Мать Дзыба была из Джараха и у него там было много родственников. Дзыба должен был узнать, согласятся ли джарахцы принять Цыппу и его товарищей. Вскоре Дзыба вернулся и сообщил абрекам, что в Джарахе их ждут.

Вечером абреки, поблагодарив Дзыба, сели на коней и отправились в путь. Они ехали всю ночь и на рассвете поднялись на перевал Ахгара. Перед ними лежало Джарахское ущелье. Позади далеко внизу витым серебряным шнуром блестел Терек. Взошло солнце, заливая золотым светом вершины гор. Трава сверкала от росы, легкий ветер доносил из ущелья запах хвойного леса. Цыппу, оглядевшись, глубоко вздохнул и сказал товарищам:

– Воистину несчастен тот, кому не суждено вволю надышаться воздухом родины!

Всадники спешили и долго сидели молча. Потом достали из дорожных сумок еду и, подкрепившись, двинулись дальше.

В этот день в Джарахе был праздник. Народ собрался на широкой поляне. Юноши состязались в джигитовке и стрельбе, старики сидели за столами.

Абреки, укрывшись за деревьями, смотрели вниз, на праздничную толпу.

– Осторожность никогда не мешает, – сказал Цыппу, – они могут принять нас за врагов, если увидят всех вместе. Лучше я спущусь к ним один. Ингуши гостеприимный народ, но они должны убедиться, что мы пришли к ним не со злом. Подождите здесь, я пришлю за вами.

Он оставил своих друзей в лесу и спустился на поляну. Навстречу ему выбежали юноши, подвели к столу и усадили рядом со старшими. Нашелся человек, говорящий по-осетински. С его помощью Цыппу рассказал о своих приключениях – как он стал абреком, как воевал и как вынужден был бежать. Сказал и о товарищах, ожидающих его в лесу.

Юноши побежали в лес и вскоре вернулись вместе с товарищами Цыппу. Их встретили приветливо и радушно, усадили за столы, обходились с ними, как с почетными гостями. Вечером их отвели в селение и там тоже был устроен пир в их честь: зарезали быка, собрался народ, гостям сделали много подарков.

В то время в Джарахе скрывались шестеро абреков-ингушей. Цыппу и его товарищи подружились с ними и в дальнейшем вместе предприняли несколько набегов в Гудан; Они пригоняли оттуда скот и раздавали его жителям Джараха.

Прошло немного времени и над Джарахом сгустились тучи: снизу по ущелью двигались русские войска. Ингуши встретили их с оружием в руках. Закипел жестокий бой.

Несколько дней подряд над ущельем гремели выстрелы и речка Джарах стала красной

от крови. Но силы были слишком неравны. Ингуши были вынуждены сложить оружие. Абрекам нельзя было сдаваться и они заперлись в крепости. Русские окружили крепость. Цыппу предложил бежать, но ингуши не согласились с ним:

– Эту крепость не смог взять даже великий хан, – сказали они, – и русские тоже не возьмут.

Ночью разразилась гроза. Сверкали молнии, гремел гром, с неба обрушивались потоки воды. Цыппу и пять его товарищей решили уходить, пользуясь непогодой. Ингуши предпочли остаться в крепости. В полночь шестеро абреков спустились со стены и бесшумно, как змеи, проползли сквозь русские цепи. Они поднялись на гору Мат, развели в пещере огонь и высушили мокрую одежду.

На другой день русские сделали подкоп под стены крепости, заложили порох и зажгли фитиль. Грянул взрыв, все заволкло черным дымом. Когда дым рассеялся, стали видны разрушенные стены. В наступившей тишине из-под обломков слышались стоны раненых. Все происшедшее было хорошо видно из пещеры. Абреки пробыли там весь день, а с наступлением темноты двинулись в путь. На четвертый день они добрались до своего знакомого, АхбердМагомед, и тот проводил их к Шамилю.

Шамиль, крупный широкоплечий человек, с пышной бородой и усами, сидел, задумавшись, на ковре, положив могучую сухощавую руку на рукоять кинжала. Лицо его было угрюмо, между бровей залегла глубокая складка. Абреки, войдя, склонили перед ним головы. Шамиль поздоровался с ними.

– Я слышал, юноши, вы воевали против русского царя, – сказал он. – Что ж, вы можете получить такую возможность еще раз, если будет на то воля аллаха. Оставайтесь.

Он приказал дать абрекам жилье. Но у них не было никакой пищи и они три дня просидели голодными, Цыппу не позволил товарищам просить у Шамиля еды, потому что считал, что жаловаться на голод недостойно мужчины.

Тотрадз, совсем еще мальчик, не выдержал:

– Мне не стыдно говорить о еде, ведь я еще не мужчина! И пошел к Шамилю.

– Мы – горцы, – сказал он ему, – и не любим сидеть на одном месте без дела. Если где-нибудь есть война, пошли нас туда, а то ведь без пищи не может жить даже дикий зверь.

Шамиль едва заметно улыбнулся.

– Хорошо, – ответил он, – иди пока домой. И не успел Тотрадз вернуться к товарищам, как дом уже был полон еды.

Через три дня Шамиль вызвал абреков к себе.

– Этой ночью надо будет подстеречь врага, – сказал он, – и я поручаю это вам.

Сделайте засаду там, где вам скажут, и ждите. Ночью на дороге появятся всадники, среди них будет один, в белой одежде и на белом коне. Стреляйте в него, остальных не трогайте.

Он дал абрекам провожатого и отпустил их.

Стояла темная ночь. Абреки ждали, затаившись в кустах по сторонам узкой дороги. В полночь послышался топот многих копыт и скоро в темноте стал различим приближающийся отряд. Белый всадник ехал впереди. Загремели выстрелы, белый всадник упал с коня, а остальные, хлестнув коней, скрылись во тьме. Когда топот копыт затих вдали, Цыппу, выбежав на дорогу, стал искать убитого, но его нигде не было. Лишь бурка, шапка и два пистолета валялись на дороге. Абреки взяли вещи и вернулись домой.

На другой день Шамиль снова позвал их к себе.

– Ну что, удалось вам выполнить мое задание? Цыппу выступил вперед.

– Мы стреляли, наверняка, но на дороге остались только эти вещи, – сказал он, показывая Шамилю свои трофеи. – Мы не видели убитого и потому не уверены в том, что наши выстрелы достигли цели.

Шамиль усмехнулся в усы.

– Нет, вы не промахнулись, – сказал он, рассматривая отверстия в бурке. Он отдал бурку и пистолет Цыппу, а второй пистолет и шапку – Сугару.

Через три дня Шамиль в сопровождении двух наибов отправился к своим войскам. Он ехал на белом коне, в белой черкеске и белой шапке, на боку его сверкала сабля в золотых ножнах. Абреки следовали за ним.

Они подъехали к войскам. Шамиль, поздоровавшись со своими воинами, сказал:

– Вот новые люди, шесть горских храбрецов. Они останутся с вами, пусть в бою покажут свою доблесть.

Он обвел войска зорким взглядом, потом повернул коня и ускакал.

Цыппу и его друзья присоединились к воинам Шамиля. Они храбро бились, в бою были впереди, стреляли без промаха и не прятались от вражеских пуль. Скоро об их отваге узнала вся Чечня. Так они пробыли у Шамиля два года.

Однажды на Тереке они отбили стадо. Поднялась тревога, за ними бросились в погоню русские и осетины, завязалась перестрелка. Цыппу, словно сокол, летал на коне в облаках порохового дыма, отстреливаясь от преследователей и ружье его непрерывно гремело, как небесная гроза.

Тем временем стемнело и Цыппу оказался среди преследователей. Он скакал вместе с ними, крича по-русски: «Держи их, держи!» У одного из осетин, принимавшего участие в погоне, кончились заряды и он попросил порошу у казака. Цыппу, выстрелив в казака, сказал по-осетински:

– Теперь можешь взять у него и порох, и ружье – они ему больше не нужны.

И, хлестнув коня, скрылся во тьме.

Шло время. Начальником Косетского округа стал Глаха Казбегй, давний друг Цыппу. И вот Глаха, имевший большой вес среди русского начальства, стал хлопотать о замирении абреков. Он привлек к этому делу своего приятеля, начальника Терского округа, и тот тоже стал помогать ему. После долгой переписки высокое начальство постановило: «Кудские абреки будут прощены, если добровольно сложат оружие. При этом они должны будут, покинув родные места, поселиться в Терском округе».

Глаха Казбеги послал к Цыппу гонца с письмом, в котором писал ему: «Обращаюсь к тебе от чистого сердца и во имя Святой Троицы и Ломиса прошу поверить мне: по моей просьбе власти простили вам все ваши дела. Правда, вам нельзя будет жить на родине, но вы можете поселиться в любом месте Терского округа. Я буду ждать вас на поле возле Цми».

Стояли жаркие дни. Однажды Цыппу, придя к Шамилю, сказал:

– Да будут долгими твои дни, имам. Разреши нам съездить в горы – мы устали от жары.

Шамиль некоторое время молчал, глядя на Цыппу, а потом, покачав головой, сказал:

– Мне кажется, юноши, вы задумали обмануть меня.

Но ехать все же разрешил.

В это время князь Бехой заключил с русскими мир. Джарахские ингуши тоже прекратили сопротивление. Абреки, приехав к Бехою, рассказали ему о письме Глахи

Казбеги. Бехой радушно встретил, их, хорошо угостил и оставил ночевать у себя. Наутро они отправились дальше, Бехой с двадцатью всадниками поехал с ними. В назначенный срок они были около Цми. Там их уже ждали начальник Терского округа и Глаха Казбеги с сотней казаков. Абреки с оружием наготове остановились на некотором расстоянии от них.

Глаха выступил вперед.

– Почему ты остановился, Цыппу? Подойди, поздоровайся с генералом.

Цыппу, не опуская ружья, ответил:

– Виданное ли дело, чтобы вол поздоровался с пастухом? Глаха подошел к нему и надел на него свою шапку.

– Перед лицом Хиуской Троицы, отныне ты-мой брат. Абреки вместе с Бехоем и Глахой Казбеги подошли к генералу и поздоровались с ним. После недолгих переговоров Глаха и генерал сели в фаэтон. Абреки; казаки и ингуши поскакали следом на конях – так они прибыли в Дзауджикау.

К их приезду возле генеральского дома собралась большая толпа любопытных. Вот показался фаэтон, сопровождаемый отрядом всадников и остановился около подъезда.

Глаха с русским генералом вошли в дом., абреки остались на конях рядом с ингушами.

Глаха, выглянув с балкона, позвал их. Абреки вошли было в дом, но генеральская охрана потребовала, чтобы они сдали оружие. Тогда они повернули обратно и Цыппу тихо сказал товарищам:

– Кажется, нас заманили в капкан. Тут Глаха второй раз позвал с балкона:

– Что же вы не идете, ведь генерал ждет вас!

– Охрана требует, чтобы мы сдали оружие, – ответил Цыппу.

Тогда на балкон вышел генерал и приказал:

– Пропустите их с оружием.

Абреки, переглянувшись, вошли в дом. Начальник Терского округа сказал, став им навстречу:

– На вашей совести немало лихих дел, я уж не буду их перечислять, но благодаря Казбеги и мне всемилостивейший государь простил вас. Отныне вы должны будете жить здесь, в Терском округе.

Цыппу выбрал себе для поселения Туаца – село, которое основал Махамат Есенаты между Ардоном и Кордоном.

Глаха Казбеги поехал от генерала вместе с Цыппу и сказал Махамату:

– Вот тебе гости, позаботься о них.

Цыппу и его товарищи, поселились в Туаца. Оттуда они перебрались в Куйан. Гайти и Цицо остались там навсегда, остальные переселились еще раз: Дудар и Тотрадз все же ушли обратно в Куд, а Цыппу и Сугар обосновались в Эльхоте и жили там до конца дней.